

И. А. ГОБОЗОВ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1

Термин «философия истории» был введен в научный оборот французским просветителем XVIII века Вольтером. Он считал, что историк должен не просто описывать события, излагать их в хронологической последовательности, а философски истолковывать исторический процесс, рефлексировать над его бытием.

Хотя термин появился в XVIII веке, но философско-исторические проблемы волновали многих мыслителей, начиная с античности. Гесиод, Лукреций, Августин Блаженный и другие пытались осмыслить исторический процесс, найти движущие силы его развития и изменения.

В Новое время философия истории оказалась в центре внимания многих историков и философов. Гердер написал обширный труд «Идеи к философии истории человечества», в котором дается широкая панорама всей мировой истории. Как он пишет, его интересовала наука, которая описывала бы всю историю человечества с момента его зарождения. В качестве такой науки для Гердера выступает философия истории. И он создал философско-историческое произведение, сыгравшее важнейшую роль в становлении философии истории как особой дисциплины.

Собственно философией истории занимался соотечественник Гердера Гегель. Он ввел термин «всемирная философская история», под которым подразумевал всемирную историю, то есть историю, которая «есть необходимое только из понятия свободы духа, развитие *моментов* разума и тем самым самосознания и свободы духа — истолкование и *осуществление всеобщего духа*»¹.

Чтобы реальнее представить всемирную философскую историю, Гегель всю историографию разделил на три

вида: 1) первоначальная история; 2) рефлексивная история; 3) философская история.

---

¹ Гегель Г. В. Ф. философия права. М., 1990. С. 370.

Представители **первоначальной истории**, к которым немецкий философ причисляет Геродота и Фукидида, налагали исторические события, свидетелями которых были сами. Содержание трудов таких историков пространственно ограничено, так как излагалось то, что их окружаю и что сами видели. Здесь историк «не прибегает к рефлексии потому, что сам духовно сжился с излагаемым им предметом и еще не вышел за его пределы...»².

В **рефлексивной истории** изложение материала уже не связывается с участием историка в описываемых событиях. Эту историю Гегель разбил на определенные подвиды: А. Всеобщая история, когда дается обзор всей истории какого-нибудь народа, государства или мира. Здесь главной задачей исследователя является изложение материала с точки зрения собственного духа. Он должен иметь определенные принципы, служащие ему в качестве методологии анализа материала. Историк прибегает к абстрактным формам рассмотрения исторических процессов и феноменов. Б. Прагматическая история, предполагающая описание прошлого с позиции настоящего. События, отмечает Гегель, различны, но в них есть нечто общее и внутреннее. Благодаря прагматическим рефлексиям рассказы о прошлом наполняются современной жизнью. В. Критическая история. В данном случае, по выражению Гегеля, излагается не сама история, а история истории, дается оценка исторических трудов, а также устанавливается их истинность и достоверность. Г. Этот вид представляет собой переход к философии истории, когда исследователь при изложении материала руководствуется некоторыми общими философскими принципами.

Философская история, или философия истории, «означает не что иное как мыслящее рассмотрение ее»³. Исходя из своего основополагающего тезиса о господстве разума в мире, Гегель подчеркивает, что всемирно-исторический процесс совершается разумно. Философия истории, продолжает он, должна рассматривать историю в том виде, в каком она существовала, она должна изучать факты и события и не допускать априорных вымыслов. И чтобы получить истинные знания, разум должен постоянно размышлять, а не бездействовать.

---

² Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 58.

³ См.: Там же. С. 63.

По мысли Гегеля, философия истории ищет некие общие принципы в истории, которые присущи всей мировой истории. Главным из этих принципов является разум. В данном случае немецкий мыслитель под разумом понимает закономерности развития исторического процесса. С его точки зрения, все действительно разумно и все разумное действительно. Разумно то, что необходимо и закономерно, а то, что необходимо и закономерно, в то же время действительно.

Другим принципом выступает поиск конечной цели, а такой целью является свобода. Поэтому можно сказать, что всемирная история «является обнаружением духа в том виде, как он вырабатывает себе знание о том, что он есть в себе, и подобному тому, как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю»⁴. Окончательный вывод Гегеля: «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, — прогресс, который мы должны познать в его необходимости»⁵.

Философия истории, продолжает немецкий философ, показывает, как народы и государства стремились к свободе, как ради нее в течение долгого исторического времени приносились всевозможные жертвы. Вместе с тем она рассматривает средства достижения свободы. С этой целью она скрупулезно изучает действительную историю людей, действия которых вытекают из их потребностей, страстей и интересов, играющих доминирующую роль. Кроме того, задачей философии истории является и выяснение, как сам Гегель выражается, того материала, в котором осуществляется разумная цель. Таким материалом оказывается субъект со своими потребностями. Но он живет в том или ином государстве, и поэтому государство тоже должно находиться в центре внимания философии истории, хотя подробное изложение государства должно даваться в философии права.

Гегель-диалектик настаивает на том, чтобы философский анализ всемирной истории руководствовался принципом развития. Исторический процесс, подчеркивает он, диалектичен, и философия истории тоже должна рассматривать его диалектически, показывать в

---

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Там же. С. 72.

движении и развитии. Вот как об этом пишет сам Гегель: «Если мы теперь бросим взгляд на всемирную историю вообще, то мы увидим огромную картину изменений и деяний, бесконечно разнообразных формирований народов, государств, индивидуумов, которые непрерывно появляются одни за другими...

...Общей мыслью, категорией, прежде всего представляющейся при этой непрерывной смене индивидуумов и народов, которые существуют некоторое время, а затем исчезают, является изменение вообще. Взгляд на развалины, сохранившиеся от прежнего великолепия, побуждает ближе рассмотреть это изменение с его отрицательной стороны. Какой путешественник при виде развалин Карфагена, Пальмиры, Персеполя, Рима не предавался размышлениям о тленности царств и людей и грусти о былой жизни, полной сил и богатой содержанием? Эта грусть не вызвана личными потерями и непостоянством личных целей, но является бескорыстной грустью о гибели блестящей и культурной человеческой жизни. Но ближайшим определением, относящимся к изменению, является то, что изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни, что из жизни происходит смерть, а из смерти жизнь»⁶.

Выше отмечалось, что философско-историческая проблема существовала давно. Но здесь имеется одно затруднение, на которое многие философы обращали внимание. Так, например, немецкий философ Э. Бернгейм пишет, что главной задачей философии истории является синтез исторического процесса и поэтому «в древности философия истории в только что указанном смысле была неизвестна, так как античному миру чуждо представление о внутреннем единстве человеческого рода; но вместе с христианством появляется одно из главнейших условий, для того чтобы рассматривать и его судьбы, как одно внутренним образом связанное целое. Только в христианскую эпоху мы встречаемся с первой системой философии истории»⁷. Действительно, философия истории, дающая философскую характеристику всемирного исторического процесса, могла возникнуть вместе со становлением единого исторического пространства, а это произошло уже в новое время.

---

⁶ Там же. С. 119-120.

⁷ Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи. М., 1909. С. 7-8.

По мнению Бернгейма, современная философия истории возникает в работах Монтескье, Руссо и других мыслителей, но действительным основателем философии истории следует считать Гердера, определившего круг ее проблем. Важный вклад в философию истории, продолжает Бернгейм, внес Маркс своим открытием материалистического понимания истории.

Бернгейм не отождествляет, как это делали многие, философию истории со всемирной историей. У них разные задачи и проблематика. В одном случае речь идет о философском изучении истории, а в другом — о хронологическом изложении всемирной истории. Задача философии истории — «выяснение принципов истории, то есть общих причин, основных условий и процессов, на которых покоятся, с одной стороны, течения и связь исторических событий, с другой — их познание»⁸.

Бернгейм различает материальную и формальную философии истории. Материальная философия истории ставит вопросы: как происходит историческое развитие? Каковы результаты и каков смысл исторического развития? Речь идет, с одной стороны, о факторах развития, с другой — о ценностях как результатах исторического развития. Под формальной философией истории Бернгейм, по существу, понимает гносеологию.

Таким образом, можно сказать, что Бернгейм исходит из единства онтологического и гносеологического в философии истории. Это плодотворная мысль, которая не всегда находила поддержку со стороны других ученых. Так, соотечественник Бернгейма Зиммель полагал, что философия истории должна заниматься только гносеологическими проблемами, изучением мотивов и поступков людей. Необходимо познавать не только познанное, но и желаемое и прочувствованное, пережить заново то, что уже было пережито, перенестись в психологическую атмосферу исследуемой эпохи. «Философии истории, — пишет Зиммель, — следовало бы установить, в каких случаях историк, руководимый инстинктом или размышлением, отвлекается от сознательной целесообразности в поступках людей; она должна бы исследовать, когда нам нужно для объяснения события предполагать сознательную волю и мысль и когда

---

⁸ Там же. С. 93.

мы должны стараться избегать гипотезы о существовании их»⁹. В концепции Зиммеля гносеологические вопросы, собственно говоря, редуцируются к психологизму, а в конечном итоге и к иррационализму.

Другой немецкий философ П. Барт считает, что историческая наука изучает отдельные области исторического процесса, а философия истории ищет такие принципы, которые присущи всем отдельным областям. Барт склонен философию истории отождествлять с социологией, поскольку, по его мнению, обе дисциплины имеют один и тот же объект — человеческое общество. «Существует только одна наука о судьбах человеческого рода, как бы ни называли ее — социологией, философией общества, или, как мы решили, философией истории»¹⁰.

В России на ниве философии истории работали такие крупные философы и историки, как Н. И. Кареев, В. М. Хвостов, В. И. Герье и многие другие.

Кареев в работе «Основные вопросы философии истории» прослеживает этапы становления философии истории и подчеркивает, что под этим термином авторы часто понимают разные аспекты изучения исторического процесса. Отсюда и путаница в работах многих исследователей. Сам Кареев считает, что «философия истории есть познание смысла истории, как она совершалась доселе, куда и как вела и ведет она земное человечество в пределах земного; философия истории есть суд над историей; мало сказать, что ход ее был такой-то, что составляющие его процессы управляются такими-то и такими-то законами, нужно найти еще смысл всех этих перемен, сделать им оценку, разобрать результаты истории и их также оценить»". Как видно, главное внимание русский историк обращает на выяснение смысла и направленности исторического процесса и на оценку исторических событий. Но он против того, чтобы искать какие-то законы истории и на их базе предсказывать будущее человеческого общества.

В более поздних работах Кареев писал, что философия истории должна заниматься как гносеологическими, так и онтологическими проблемами. Правда, вместо понятия гносеологии, которую тоже не

---

⁹ Зиммель Г. Проблемы философии истории. М., 1898. С. 16.

¹⁰ Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1902. С. 10.

отвергает, он использует понятие теории исторического знания, занимающейся получением знаний об историческом прошлом и методами исследования этого прошлого, а вместо понятия онтологии, которое тоже не отрицается, предлагает понятие историологии, ставящей своей задачей научное понимание того, как совершается всякая история.

Содержание предмета философии истории, пишет Кареев, охватывает широкий спектр вопросов, касающихся всего исторического процесса (роль географической среды в общественном развитии, культурно-историческая среда, законы общества, необходимость и случайность в истории, источники исторических перемен, прогресс и регресс в истории и т. д.).

По мнению Х. Раппопорта, философия истории находилась в центре внимания всех великих мыслителей — Вико, Боссюэ, Гердера, Гегеля, Канта, Маркса и многих других, рефлексировавших над судьбами человечества, над перспективами его развития. «Занимаясь исследованием общих принципов и условий исторического развития вообще, философия истории отличается от социологии, которая занимается статикой и динамикой так называемого социального организма, другими словами, условиями существования и развития общественных форм»¹¹.

Раппопорт выделяет два значения философии истории: теоретическое и практическое. С точки зрения теории, философия истории важна, во-первых, потому, что удовлетворяет потребности людей в теоретическом осмыслении всего исторического процесса и, во-вторых, потому, что она представляет собой необходимое условие научности всякой истории. Она, например, дает научное объяснение исторических фактов, классифицирует их по значимости и важности. Практическое значение философии истории заключается в том, что она оказывает непосредственное влияние на практическую жизнь людей, на принятие ими тех или иных политических решений. Все люди нуждаются в том, чтобы знать, куда идет человечество, а на этот вопрос отвечает как раз философия истории.

Внутри философии истории Раппопорт выделяет три направления: провиденциальное, метафизическое (идеалистическое) и научное.

---

¹¹ Раппопорт Х. Философия истории в ее главнейших течениях. СПб., 1898. С. 11.

Провиденциальное направление, ярчайшим представителем которого был Августин Блаженный, исходит из того, «что провидение управляет нашей исторической судьбой по разумным, хотя не всегда нам известным и понятным законам»¹². Оно выросло на почве христианства и полностью доверяет провидению. Оно, как пишет Раппопорт, бралось за решение задач, которые по природе своей неразрешимы, — открыть божественный план в человеческой истории, конечным человеческим умом постичь намерения и виды высшего бесконечного разума.

Метафизическое (идеалистическое) направление, типичными представителями которого, по мнению Раппопорта, являются Гердер и Гегель, «рассматривает историю человечества как осуществление метафизических идей или одного какого-нибудь метафизического принципа»¹³. Оно исходит из того, что история развивается по восходящей линии. Но оно, по мысли Раппопорта, совершает ту же ошибку, что и провиденциальное направление: оба навязывают истории априорные суждения и пытаются ее строить сверху вниз. Если провиденциальное направление решающее значение придает божественному провидению, то метафизическое или идеалистическое направление главное внимание уделяет абсолютной идее, осуществление которой представляет как раз историю. Оно прилагает свои интерпретации к действительному ходу истории, исторические же события искусственно подгоняются под общие теории.

Научное или позитивно-реалистическое направление, представленное работами Вико, Монтескье, Вольтера, Канта, Конта, Маркса и др., является, по утверждению Раппопорта, единственно верным в методологическом отношении. Только оно владеет истинно научным методом анализа исторического процесса.

Научное направление в свою очередь делится на три течения, связанных с тремя главными факторами исторического развития общества- с естественной средой, с исторической средой, а также с личностью. Первое течение Раппопорт называет физико-климатическим, второе — физиолого-психологическим, а третье — культурно-историческим. «Физико-климатическое направление исходит в своем объяснении исторического процесса из

---

¹² Там же. С. 26.

¹³ Там же. С. 70.

внешней природы, физиолого-психологическое направление черпает свои данные во внутренней природе человека, а культурно-историческое пытается объяснить историческое движение культурно-бытовыми и общественными формами, образовавшимися в самом историческом процессе»¹⁴. Монтескье, утверждает Раппопорт, был типичным представителем физико-климатического течения в философии истории. Он придал ей естественнонаучный характер, поскольку при изучении общества руководствовался не априорными принципами, а фактами природы.

Физиолого-психологическое направление, продолжает Раппопорт, исходит из того, что в истории решающую роль играют человеческие страсти и потребности. Поэтому оно главное внимание уделяет личности.

В противоположность этому течению культурно-историческое течение в центр философско-исторического исследования выдвигает социальную группу. Личность рассматривается как продукт своего времени, как результат исторического развития. Вся история в конечном счете сводится к деятельности социальной группы, к культурным формам, но остается открытым вопрос, чем определяется характер самой социальной группы и образовавшихся в течение длительной исторической эволюции культурных форм.

В. И. Герье под философией истории подразумевает **синтез**, которым человек охватывает всю совокупность истории человечества. Каждой эпохе, пишет Герье, свойствен свой взгляд на прошлое человечества, и поэтому она к его изучению приступает со своими специфическими задачами и запросами. Вот почему следует руководствоваться не теми правилами, которыми оперируют представители точных наук, где научные труды оцениваются по их вкладу в естествознание, а теми, которые давно разработаны в общественном знании. И всякое историческое сочинение необходимо рассматривать исторически, то есть оценивать его с учетом тех условий, в которых оно создавалось. В противном случае исследователь теряет социальный и исторический ориентир, что, по мысли В. И. Герье, равносильно для него потере научной квалификации.

---

¹⁴ Там же. С. 79-80.

В. М. Хвостов отождествляет теорию исторического процесса и философию истории. Задачи последней он видит «не в том, чтобы путем отвлеченных умозрений создавать независимо от данных точной науки спекулятивные построения о смысле мироздания, которые потом должны быть полагаемы в основу самой науки, но, наоборот, в том, чтобы помогать науке разобраться в своих задачах... отправляться от факта научного познания и базироваться на данных, добытых научными исследованиями»¹⁵.

Л. П. Карсавин изложил философско-исторические проблемы в фундаментальном труде «Философия истории». По его мнению, «философия истории определяется тремя основными своими задачами. *Во-первых*, она исследует первоначала исторического бытия, которые вместе с тем являются и основными началами исторического знания, истории как науки. *Во-вторых*, она рассматривает эти первоначала в единстве бытия и знания, то есть указывает значение и место исторического в целом мире и в отношении к абсолютному Бытию. *В-третьих*, задача ее заключается в познании и изображении конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса. Поскольку философия истории ограничивает себя первой задачей, она является теорией истории, то есть теорией исторического бытия и теорией исторического знания. Поскольку она преследует решение второй задачи, она — *философия истории* в узком и специальном смысле термина «философия». Наконец, в области, определенной третьей задачей, она предстает перед нами, как *метафизика истории*, причем, конечно, в термине «метафизика» мною не мыслится отвлечение от конкретной эмпирии, но — конкретное познание исторического процесса в свете наивысших метафизических идей»¹⁶.

Карсавин важное значение придает связи теории истории и философии истории, ибо всякий историк не может не интересоваться общими вопросами бытия и его познания.

Следует сказать несколько слов и о позиции С. Л. Франка. Он считает, что есть два типа философии истории. Один тип ложен, а другой истинен. Ложен тот тип философии истории, который хочет понять конечную цель исторического прогресса. Иначе говоря, эта

---

¹⁵ Хвостов В. М. Теория исторического процесса. М., 1919. С. 6.

¹⁶ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 15.

философия истории исходит из того, что человечество непрерывно совершенствуется и развивается. Таким образом, Франк выступает против философии истории, которая придерживается общественного прогресса. Эта философия истории, с его точки зрения, ложна. Истинна та философия истории, по утверждению Франка, которая исходит не из общественного прогресса, а из того, что конкретное многообразие истории есть выражение сверхвременного единства духовной жизни человечества.

В современной западной философии истории условно можно выделить два направления — онтологическое и гносеологическое. Странники первого направления (Шпенглер, Тойнби и др.) главное внимание обращают на исследование бытия исторического процесса, смысла истории, социального прогресса, социального детерминизма и т. д. Философия истории должна изучать имманентную логику развития общества, взаимосвязь и взаимообусловленность его различных сторон. Она должна анализировать ход событий, показывать, как сменяются одни цивилизации другими, почему они возникают, развиваются и погибают и т. д. Поэтому философия

Истории в качестве объекта исследования берет не ту или иную социальную группу, не тот или иной город, не тот или иной отдельный социальный организм, а весь исторический процесс, представляющий сложный комплекс различных элементов, находящихся в постоянном взаимодействии.

Гносеологическое направление на первый план выдвигает проблемы познания исторических фактов и событий. Его представители (Дильтей, Зиммель, Коллингвуд, Арон, Брэдли, Кроче и др.) полагают, что предмет философии истории — логико-теоретические и методологические проблемы исследования исторического прошлого, теоретическая реконструкция этого прошлого и установление истинности исторических фактов.

Гносеологическое направление называется критической философией истории. Ее истоки восходят к Баденской школе неокантианства, занимавшейся методологическими проблемами исторического познания, изучением специфики истории человечества. Критическая философия истории выступила с критикой гегелевской философии истории, придававшей огромное значение изучению внутренних механизмов социальных процессов и феноменов. «Традиционная философия истории, — пишет Арон, — находит свое

завершение в системе Гегеля. Современная философия истории начинается с отказа от гегельянства. Идеалом больше не является определение смысла становления человечества, философ больше не верит в то, что он — единственный депозитар секретов провидения»¹⁷.

Критическая философия истории подвергла критике также позитивистское направление в исторической науке. Во Франции, например, историки попали под влияние основателя позитивизма О. Конта. Одним из сторонников распространения позитивизма в исторической науке был Г. Моно. «Его взгляды нашли наиболее четкое отражение в статье, открывающей первый номер «Кете Бяопяие» — «О прогрессе изучения истории во Франции с XVI века». Эта статья явилась своего рода манифестом французских историков позитивистского толка. В поддержку линии нового журнала высказались 53 ведущих историка Франции того времени — античники Ренан, Масперо, Дюрюи и др.: медиевисты Бутарик, Шеруэль, Делиль, Фюстель де Куланж, Жири, Лависс, Лот, Люс, Виолле, Молинье, Кишра и др., историки нового времени Тэн, Сорель и др.». Позитивизм выступал против философских теоретических обобщений, признавал только факты и ничего, кроме фактов.

Историки-позитивисты, критикуя философию истории, заявляли, что она ничего полезного им не может дать, так как оперирует категориями, лишенными объективного содержания. Критические философы истории на эти утверждения резонно возражают, что, если историки хотят получить достоверные и истинные знания о прошлом, то они не должны ограничиваться сбором эмпирического материала, им необходимо делать определенные теоретические выводы. А это невозможно без соответствующей философской методологии, без применения философских категорий и логического аппарата, без активной роли исследователя.

Исходной точкой познания исторического прошлого критическая философия истории считает категорию понимания. «Труд историка, — пишет Арон, — заключается не только в том, чтобы понять события, но и в том, чтобы понять людей, а также в том, что люди прошлого отличаются от нас»¹⁸. Для того чтобы исследовать специфику исторического прошлого, необходимо познать и понять самого себя и

---

¹⁷ Aron R. La philosophie critique de l'histoire, Paris, 1969. P. 15.

¹⁸ Aron R. Lecons sur l'histoire. Paris, 1989. P. 149.

других. Только после этого можно перейти к установлению исторических фактов, объективность которых зависит от самого историка, поскольку он занимается теоретическим воспроизведением исторической картины человечества.

Критическая философия истории во Франции занимает доминирующее положение. Труды ее основателя Р. Арона издаются и переиздаются, успешно работает фонд имени Р. Арона, который не только публикует неизданные труды Арона, но и отслеживает всю литературу по философии истории, выходящую в других странах мира.

Мы рассмотрели разные концепции философии истории. Наш анализ показывает, что одни философы и историки главное внимание уделяют проблемам онтологии, а другие гносеологии. Между тем их нельзя отрывать друг от друга, ибо процесс познания исторических и социальных феноменов невозможен без выяснения объективной истины, без установления истинности тех или иных фактов, без анализа тех или иных событий и т. д. Проще говоря, без объекта познания нет теории познания. Поэтому предметом философии истории являются как **гносеологические, так и онтологические проблемы**. Она их рассматривает в единстве, во взаимной связи, хотя может с целью более глубокого их изучения анализировать отдельно друг от друга.

Таким образом, на мой взгляд, философия истории исследует имманентную логику развития человеческого общества и его законы, единство и многообразие исторического процесса, проблемы смысла истории, социального детерминизма и социального прогресса, исторического познания, исторического времени и исторического пространства и т. д. Она дает теоретическую реконструкцию исторического прошлого, устанавливает истинность исторических фактов.

Философия истории представляет философско-исторический анализ общества. Если можно так выразиться, философ истории читает философски исторический процесс. Он исходит из того, что история имеет свои собственные законы функционирования, что она непрерывно развивается, изменяется, что она имеет континуистский характер, что прошлое и настоящее неразрывно связаны, что человек выступает связующим звеном всех исторических этапов и стадий. Философия истории — это логическое рассмотрение человеческого

общества, рассмотрение, очищенное от зигзагов и поворотов. Она абстрагируется от конкретного многообразия и главное внимание уделяет имманентной логике всемирной истории, ее сущности, ее внутренним механизмам функционирования и развития. Она синтезирует все человечество, выделяет в нем некие общие законы, черты и свойства, присущие всем социальным организмам, но проявляющиеся по-разному в зависимости от исторических обстоятельств, конкретной ситуации и природных условий.

Философия истории и история. Философия истории не есть ни историческая наука отдельных государств и народов, ни универсальная или всемирная история. Последняя тоже изучает все человечество, но изучает не философски, то есть не дает философского обобщения всего исторического процесса, а исторически, то есть каждый социальный организм рассматривается во всем своем богатстве и конкретном проявлении. В курсе всемирной истории, например, изучаются все страны мира, но изучаются конкретно, в хронологическом порядке и изолированно в известном смысле слова. Так, в истории древнего мира рассматриваются наряду с первобытными племенами сложившиеся уже государственные образования (Китай, Индия, Персия, Мидия, Греция, Рим и т. д.), которые, хотя и имели некоторые общие черты, тем не менее представляли самостоятельные организмы. Историк главное внимание обращает не на их универсальные черты, а на специфические характеристики. Что касается философа истории, то он ищет в первую очередь именно то, что объединяет все социальные организмы, то, что им присуще как человеческим сообществам.

Историческая наука, в отличие от философии истории, должна соблюдать временную последовательность событий и исторических фактов. Если философия истории есть сущность, схваченная во времени, то есть такая сущность, которая постоянно меняется, но тем не менее сохраняется, то историческая наука есть изложение фактов и событий в хронологическом порядке.

Философия истории имеет определенный логический и понятийный аппарат, посредством которого дается философско-историческое изложение исторического процесса (прогресс, социальный детерминизм, цивилизация, закон, формация, общественные отношения, географический фактор, разум, способ производства, производительные силы и производственные

отношения, историческое понимание и объяснение, менталитет, самосознание, историческое сознание и т. д.). Она является теорией высшей абстракции, но абстракции глубокой, адекватно отражающей объективную действительность.

Некоторые историки полагают, что историческая наука, как и философия истории, имеет свои собственные категории и является такой же теоретической дисциплиной, как и философия истории. Так, М. А. Барг в качестве таких категорий выделяет «всемирно-исторический», «локально-исторический», «целостность», «структура», «процесс» и др. А саму историю определяет так: «Историческая наука изучает закономерности пространственно-временного развертывания всемирно-исторического процесса, или, что то же, закономерности всемирно-исторического развития человечества как равнодействующих внутрiformационных и межформационных взаимодействий этнополитических общностей, являющихся носителями своеобразия этого процесса»¹⁹. На мой взгляд, с такой дефиницией исторической науки трудно согласиться. Во-первых, перечисленные Баргом категории, по существу, успешно используются и в философии истории, что, конечно, не исключает их применения в исторической науке. Но последняя не занимается и не обязана заниматься их концептуальным анализом, то есть исследованием их природы, места в системе других категорий и их теоретических функций. И если она все же вторгается в сферу концептуальных рассуждений, то перестает быть исторической наукой и переходит в область философии. Во-вторых, историческая наука не изучает «закономерности всемирно-исторического развития человечества». Это задача философии истории. Но если под закономерностью подразумевается определенная упорядоченность исторического процесса, то ее история, безусловно, изучает, но принимает как данность. Если же под закономерностью имеется в виду открытие каких-то законов истории, то, по моему мнению, историческая наука теоретически не формулирует эти законы. Их теоретическим обоснованием занимается философия истории, поскольку она исследует объективные, внутренние, необходимые, повторяющиеся процессы и феномены действительности.

---

²⁰ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 23.

Историческая наука — это теория среднего уровня, то есть теория средней абстракции, и поэтому не может заниматься теоретической формулировкой категорий и законов.

Философия истории не может развиваться без использования достижений исторической науки. Она не может делать научные обобщения без знания конкретных фактов и конкретной действительности. Поэтому она должна постоянно обращаться к результатам исторической науки. Но и последняя нуждается в философии истории, так как благодаря ей получает мощный методологический инструмент познания и изучения исторического прошлого.

Философия истории и социология. П. Барт считает, что философия истории и есть социология. По мнению М. Вебера, «социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»²⁰. Не всякое действие, продолжает Вебер, носит социальный характер. Социальным является такое действие, которое действующее лицо соотносит по смыслу с действием других людей и ориентируется на него. В этой связи немецкий социолог рассматривает мотивы социального действия, социальные отношения, социальное поведение, нравы и обычаи. Он считает, что социология призвана понять и объяснить эти явления, дать их соответствующую интерпретацию.

Таким образом, главную задачу социологии Вебер видит не в изучении и исследовании многообразных процессов и феноменов общественной жизни (это задача философии истории), а в анализе социального действия и его причинного объяснения.

Много внимания уделял специфике социологической науки П. Сорокин. «Социология, — писал он, — изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, — с другой»²¹. Сорокин различает теоретическую и практическую социологию. Теоретическая социология изучает явления взаимодействия с точки

---

²⁰ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 602.

²¹ Сорокин П. Система социологии. Т. 1. Социология аналитики. Петроград, 1920. С. 2.

зрения сущего, а практическая социология — с точки зрения должного. В свою очередь теоретическая социология делится на три части: на социальную аналитику, социальную механику и социальную генетику. Социальная аналитика изучает структуру социального явления, социальная механика исследует процессы взаимодействия людей, а социальная генетика — исторические тенденции развития как всей социальной жизни, так и отдельных ее сторон.

Таким образом, два крупнейших социолога двадцатого века главное внимание в социологии уделяли вопросам социального действия (Вебер) и социального взаимодействия (Сорокин).

На мой взгляд, социология в ее современном понимании изучает общество, но на уровне средней абстракции. Это значит, что в поле ее зрения находятся вопросы взаимодействия и взаимообусловленности разных сфер общественной жизни — материальной, социальной, политической, духовной. Она их рассматривает на микроуровне, то есть интересуется проблемами, касающимися социальных групп, коллективов, взаимоотношений индивидов, общества, государства и т. д. Возьмем, например, вопросы демократии. Демократия является объектом как социологии, так и философии истории. Но социолога интересует конкретный механизм функционирования демократических институтов, политических партий, выборных кампаний и т. д. Философ истории демократию рассматривает в историческом аспекте, вычленяет ее сущностные черты и особенности, сравнивает с другими формами государственного правления — монархией, олигархией, аристократией и т. д.

Философ истории изучает общество как некий универсальный объект с универсальными характеристиками, социолог же анализирует его конкретное функционирование. Философ истории имеет дело с обществом вообще, социолог же с конкретным социальным организмом.

Философия истории нуждается в социологии как в строительном материале, так как она поставляет конкретные факты и результаты. Опираясь на них, философ истории делает универсальные обобщения и выводы относительно всего исторического процесса, которые отнюдь не носят спекулятивного характера, а представляют собой глубоко продуманные научные знания. Социология в свою очередь использует философию истории как методологический принцип исследования общественных процессов и феноменов.

Философия истории и социальная философия. В нашей литературе термин «социальная философия» редко употреблялся. Вместо него употребляли термин «исторический материализм», введенный Энгельсом в 1890 году. Но теперь этот термин изгнан из литературы, исключен из учебников, как будто научные проблемы решаются путем запрета тех или иных терминов. На Западе ни марксисты, ни антимарксисты не отказались от этого термина, потому что он несет определенную теоретическую нагрузку и отражает позиции философии истории Маркса, занявшей прочное место в истории философии истории.

С моей точки зрения, философия истории и социальная философия пересекаются и довольно близки друг к другу по содержанию и исследуемым проблемам. В самом деле, лучшее определение любой науки — раскрытие ее содержания. Что входит в содержание социальной философии? Общие законы развития и функционирования общества, вопросы социального детерминизма, прогресса или регресса в историческом процессе, периодизация и типологизация в истории, материальная и духовная жизнь людей и т. д. Но ведь философия истории тоже изучает эти проблемы. Тем не менее философия истории и социальная философия имеют не только общие черты, но и специфические. Это проявляется прежде всего в методах исследования общественной жизни. Так, философия истории рассматривает исторический процесс большей частью как становящийся процесс в ходе длительного развития социума, тогда как социальная философия главное внимание обращает на ставший уже готовым процесс. Иначе говоря, философия истории рассматривает общество как бы в динамике, а социальная философия — в статике, что вовсе не значит, что она отрицает развитие общества.

Следует обратить внимание и на такой нематоважный факт. Социология давно уже заняла место в системе обществознания. Она часто анализирует общественные процессы в таком же ключе, в каком это делается в социальной философии. Отсюда трудности разграничения предмета этих двух дисциплин. Отсюда известные повторения и ненужный дубляж в процессе преподавания. Философско-исторический анализ общества абсолютно исключает «конфронтацию» с социологией, поскольку использует разные методы и процедуры исследования социума.

В философии истории много актуальных и важных проблем. Но я остановлюсь только на двух — на социальном детерминизме и историческом познании.

История представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором воедино связаны географические, материальные, духовные и другие факторы. Поэтому очень сложно найти среди них такой фактор, который бы играл решающую роль в движении общества по восходящей линии. А без выяснения такого фактора трудно изучить имманентную логику истории, объяснить мотивы и поступки людей в ходе их деятельности.

Мыслители всех времен пытались найти социальные детерминанты. Одни их искали в географическом факторе, другие — в духовном, третьи — в материальном. Маркс, например, считал, что следует исходить не из идей, а из материальных жизненных предпосылок. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»²². Люди в процессе совместной деятельности производят необходимые им жизненные средства, но тем самым они производят свою материальную жизнь, которая является фундаментом общества. Материальная жизнь, материальные общественные отношения, формирующиеся в процессе производства материальных благ, детерминируют все другие формы деятельности людей — политическую, духовную, социальную и т. д. Идеи, даже туманные образования в мозгу людей являются испарением их материальной жизни. Мораль, религия, философия и другие формы общественного сознания отражают материальную жизнь общества.

Открытое Марксом материалистическое понимание истории требует не просто его констатации, а изучения действительной жизни людей. Поэтому Маркс обращается к анализу практической деятельности субъектов истории, которые в первую очередь должны

---

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е. изд. Т. 3. С. 18.

есть, пить, одеваться и иметь крышу над головой. Вот почему первым историческим актом следует считать производство самой материальной жизни. Материальное производство есть основное условие всякой истории, и оно должно осуществляться непрерывно. Оно необходимо для удовлетворения потребностей людей, но удовлетворенные потребности ведут к новым потребностям, так как новое производство порождает новые потребности. А удовлетворение новых потребностей требует нового производства предметов потребления. Такова диалектика производства и потребления.

Материалистическое понимание истории еще при жизни его автора подвергалось различным интерпретациям, которыми сам Маркс был недоволен. И в настоящее время оно одними полностью отвергается, а другими — частично. Они считают, что Маркс все богатство общественной жизни свел к экономике и тем самым проигнорировал другие сферы жизнедеятельности людей. А так ли на самом деле? Конечно, нет. Маркс исключительно важное значение придавал и неэкономическим факторам общественного развития. Но теоретически это можно обосновать, если общество анализировать философско-исторически и если использовать такие новые категории, как детерминанта, доминанта, варианты, инварианты. Я попытаюсь провести такой анализ.

Общество есть сложное структурированное целое. Условно его можно разбить на четыре большие сферы: экономическую, социальную, политическую и духовную. Каждая из этих сфер представляет собой целую систему различных элементов, находящихся в постоянном взаимодействии.

Экономическая сфера есть единство производства, потребления, обмена и распределения. Всякое производство есть вместе с тем и потребление. Но всякое потребление есть вместе с тем и производство. В свою очередь производство и потребление не существуют без обмена и распределения. Эти четыре элемента экономической сферы можно разделить на субэлементы. Так что, сама экономическая сфера сложна и многогранна.

Социальную сферу представляют этнические общности людей (род, племя, народность, нации, народы, классы, этносы и др.). Классы делятся на рабов и рабовладельцев, крестьян и помещиков, рабочих и капиталистов и т. д. Существует множество родов, племен, этносов, наций и т. д.

Политическая сфера охватывает властные структуры (государство, политические партии, политические институты и т. д.). Государство, как и политические системы вообще, очень дифференцировано.

Духовная сфера тоже обладает чрезвычайно сложной структурой. Она включает в себя философские, религиозные, художественные, правовые, политические, этические и другие воззрения людей, а также их настроения, эмоции, представления об окружающем мире, традиции, обычаи и т. д. Все эти элементы находятся во взаимной связи и взаимодействии.

Четыре большие сферы общественной жизни диалектически, а не механически контактируют между собой, обуславливают друг друга и не существуют друг без друга. Разве экономическая сфера существует без людей, носителей классовых, групповых и иных отношений? А разве не люди являются носителями форм общественного сознания? А разве общество не есть продукт взаимодействия людей? Очевидно, на все эти вопросы следует дать утвердительный ответ.

Общество, как уже чуть выше отмечалось, есть структурированное целое. Это значит, что все его элементы как на макро-, так и на микроуровне диалектически и непрерывно взаимодействуют. Они структурно меняются, совершенствуются, развиваются. Иначе говоря, они (элементы) **вариантны**. Духовная сфера, например, эпохи рабства и нашего времени резко отличаются друг от друга, поскольку они претерпели качественные и количественные изменения. Но вместе с тем эти же элементы общества **инвариантны** в том смысле, что возложенные на них функции постоянны на протяжении всей мировой истории. Так, какие бы изменения ни произошли в политической сфере, ее главной функцией остается властное регулирование общественных отношений, а также отношений между различными классами, сословиями, группами, индивидами, государствами и т. д. Как бы ни менялись производительные силы и производственные отношения, главной функцией экономики всегда было и будет создание материальных ценностей.

В структурированном целом разные сферы выполняют разные функции, которые отличаются по значимости для субъектов истории, то есть для людей. Чтобы общество функционировало как социальная материя, необходимо прежде всего производство и воспроизводство непосредственной жизни. Иначе говоря, нужно постоянно и

непрерывно производить материальные ценности, строить жилье, заводы, фабрики, производить пищу, одежду и т. д. Это естественный процесс исторического развития общества. Поэтому у Маркса были все основания говорить о том, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»²³. Другими словами, экономический фактор, в конечном счете, всегда выступает как детерминанта, движущая сила исторического процесса.

Слова «в конечном счете» впервые были употреблены в письмах Энгельса 90-х годов прошлого столетия. На их теоретический смысл прежде всего обратил внимание французский философ Л. Альтюсер. Он считает, что, в конечном счете, есть «топика, то есть пространственное расположение, определяющее для данных реальностей места в пространстве»²⁴. Этими реальностями являются перечисленные мною выше четыре большие сферы общественной жизни. Топика представляет общество в виде здания, этажи которого опираются на его фундамент. Этажей может быть много, но фундамент один. Фундамент без этажей не есть здание, но и этажи без фундамента не могут висеть в воздухе. В конце концов, им нужна какая-то опора. Поэтому в «детерминации топики конечный счет есть действительно конечный счет. Это означает, что имеются и другие счеты или инстанции, которые фигурируют в юридической и идеологической надстройке. Таким образом, упоминание о конечном счете в детерминации имеет двойную функцию. Оно отмежевывает Маркса от всякого механицизма и открывает в детерминации действие различных инстанций, действие реального различия, в которое вписывается диалектика. Следовательно, топика означает, что детерминация в конечном счете экономическим базисом мыслится только в дифференцированном и, следовательно, сложном и расчлененном целом, где детерминация в конечной инстанции фиксирует реальное различие других инстанций, их относительную самостоятельность и их собственный способ воздействия на сам базис»²⁵.

---

²³ Там же. Т. 13. С. 7.

²⁴ Althusser L. Positions. Paris, 1976. P. 138.

²⁵ Ibid. P. 139-140.

Детерминирующая роль экономического фактора вовсе не значит, что генетически экономическая сфера предшествует другим сферам общественной жизни. Разумеется, это было бы абсурдным утверждением. Все сферы находятся в единстве, и ни одна из них не предшествует другой.

Экономика детерминирует весь исторический процесс в конечном счете, но на каждом этапе его развития другие сферы могут выступать в качестве доминанты, то есть могут играть господствующую роль. Так, в романизации Европы решающую роль сыграли войны Юлия Цезаря. Как показал Вебер, в становлении капиталистических отношений в Германии доминирующую роль играла протестантская религия.

Кроме того, находясь в постоянном взаимодействии, все сферы общественной жизни влияют друг на друга и тем самым на все историческое развитие. Общественное сознание, государство, политические институты, социальная сфера и другие неэкономические факторы обладают определенной самостоятельностью и имеют собственные закономерности развития и логику. Так, развитие философии необязательно совпадает с экономическим базисом той или иной страны. Если взять искусство, то наблюдается такая же картина. Оно как духовный феномен сложно и многообразно, и его объяснение нельзя ограничивать одними ссылками на материальные условия жизни. «Относительно искусства, — писал Маркс, — известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего»²⁶. Никакими материальными факторами нельзя объяснить феномен Пушкина, гениальное творчество Моцарта и Чайковского, Бальзака и Толстого.

Велика роль искусства в жизни людей, в формировании их мировоззрения. Оно их духовно обогащает, помогает им познать мир, лучше понять человека со всеми его помыслами и чувствами, бороться за гуманизм, правильно оценивать историческое прошлое и настоящее.

---

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 736.

Я рассмотрел лишь философию и искусство, но в аналогичном положении находятся и другие неэкономические факторы. Трудно, например, переоценить роль религии в историческом развитии. А такие мировые религии, как христианство и ислам, доминировали на протяжении веков и играли ключевую роль в духовной и политической жизни многих стран. И в настоящее время они весьма авторитетны.

Таким образом, выражаясь фигурально, можно сказать, что общество — это многоэтажное здание с одним фундаментом. Этажи — неэкономические факторы. Они варианты и инвариантны. Они иной раз бывают доминантами. Фундамент — это экономический базис. Он — детерминанта общественного развития. Он имманентно вариантен, но для истории инвариантен. Доминанты и детерминанта находятся в диалектическом единстве и постоянно взаимодействуют.

Я здесь изложил одну концепцию (марксистскую) социального детерминизма. Но есть и другие, которые я выше упоминал. Плюрализм концепций свидетельствует о сложности проблемы социального детерминизма, о важности и актуальности философско-исторических исследований по данной проблеме.

Теперь остановлюсь на историческом познании. Являясь разновидностью социального познания вообще, оно вместе с тем имеет свою специфику, выражающуюся в том, что исследуемый объект принадлежит прошлому, в то время как его нужно «перевести» в систему современных понятий и языковых средств. Но тем не менее современные средства познания позволяют реконструировать историческую действительность, создавать ее теоретическую картину и дать людям возможность иметь о ней более или менее верное представление.

Одной из центральных задач исторического познания является установление подлинности исторических фактов и событий, открытие новых, неизвестных до сих пор фактов.

Но что такое факт? Ответить на этот вопрос не так легко, как может показаться на первый взгляд. В обыденной жизни мы часто оперируем термином «факт», но редко задумываемся над его содержанием. Между тем в науке нередко идут острые дискуссии относительно этого термина. Можно сказать, что понятие факта употребляется, по крайней мере, в двух смыслах. В первом смысле оно применяется для обозначения самих исторических фактов, событий и явлений. В этом

смысле Великая Отечественная война 1941—1945 гг., несомненно, есть исторический факт. Он существует объективно, то есть независимо от нас. Во втором смысле понятие факта употребляется для обозначения источников, отражающих исторические факты. Так, работа Фукидида «Пелопоннесская война» есть факт, отражающий эту войну, поскольку в ней излагаются военные действия Спарты и Афин.

Таким образом, следует строго различать факты объективной реальности и факты, отражающие эту реальность. Первые существуют объективно, вторые — продукт нашей деятельности, поскольку мы составляем различного рода статистические данные, сведения, пишем исторические и философские труды и т. д. Все это представляет собой познавательный образ, отражающий факты исторической действительности. Конечно, отражение носит приблизительный характер, так как исторические факты и события настолько сложны и многогранны, что невозможно дать их исчерпывающее описание.

Для чего нужно исследование исторических фактов? Зачем нам знать, что происходило в античном мире, почему убили Юлия Цезаря? Мы изучаем историю не ради чистого любопытства, а для того чтобы выяснить закономерности ее развития. Анализ исторических фактов и событий позволяет нам представить всю мировую историю как единый процесс и вскрыть движущие причины этого процесса. И когда мы открываем тот или иной исторический факт, то тем самым устанавливаем определенную закономерную связь в поступательном движении человечества. Ведь факт существует не изолированно, он связан с другими фактами, составляющими единую цепь социального развития. И наша задача заключается в том, чтобы, исследуя тот или иной исторический факт, показать его место среди других фактов, его роль и функции.

Конечно, при этом не следует забывать, что изучение исторических фактов представляет определенные трудности, вытекающие из специфики самого объекта исследования. Во-первых, при анализе фактов и установлении их подлинности могут отсутствовать нужные нам источники, особенно при изучении далекого исторического прошлого. Во-вторых, многие источники могут содержать неверную информацию о тех или иных исторических фактах. Вот почему требуется скрупулезный анализ соответствующих источников: отбор, сопоставление, сравнение и т. д. Кроме того, очень важно помнить, что исследуемая проблема связана не с одним фактом, а с совокупностью

фактов, и поэтому необходимо брать во внимание многие другие факты: экономические, социальные, политические и др. Именно комплексный подход дает возможность создать верное представление о том или ином общественном явлении.

Но совокупность фактов тоже не есть нечто изолированное от других фактов и явлений. История не просто «роман фактов» (Гельвеций), а объективный процесс, в котором факты взаимосвязаны и взаимообусловлены. При их изучении можно выделить три аспекта: **онтологический, гносеологический и аксиологический.**

Онтологический аспект предполагает признание исторического факта как элемента объективной действительности, связанного с ее другими элементами. Факт истории, как уже отмечалось, не изолирован от других фактов, и если мы хотим изучить бытие исторического процесса, то должны связать все факты друг с другом и раскрыть их имманентную логику. А этого можно добиться лишь при условии, что бытие фактов рассматривается в единстве с другими фактами, выявляется его место в историческом процессе и его влияние на дальнейший ход общества.

Факт — это то или иное конкретное событие, требующее своего объяснения и осмысления в связи с широким социальным контекстом эпохи. Кто, например, изучает период правления Цезаря, тот неизбежно заинтересуется причинами его прихода к власти и в этой связи обратит внимание на такой факт, как переход Цезаря через Рубикон. Вот как описывает этот факт Плутарх: «Когда он (Цезарь. — **И. Г.**) приблизился к речке под названием Рубикон, которая отделяет предальпийскую Галлию от собственно Италии, его охватило глубокое раздумье при мысли о наступающей минуте, и он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимал то одно, то другое решение. Затем он поделился своими сомнениями с присутствовавшими друзьями, среди которых был и Азиний Поллион; он понимал, началом каких бедствий для всех людей будет переход через эту реку и как оценит этот шаг потомство. Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей,

вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий!», и двинулся к переходу»²⁷.

Если брать этот исторический факт изолированно от других фактов, например от социального, экономического и политического положения Рима, то мы не сможем раскрыть его содержание. Ведь **Рубикон** переходили до Цезаря многие люди, в том числе римские государственные деятели, но цезаревский переход означал начало гражданской войны в Италии, что привело к крушению республиканского строя и установлению принципата.

Гносеологический аспект рассмотрения фактов подразумевает их анализ с точки зрения познавательной функции. Если онтологический аспект непосредственно не учитывает субъективные моменты в историческом процессе (хотя, конечно, совершенно ясно, что исторический процесс не существует без деятельности людей), то гносеологический анализ факта имеет в виду эти моменты. При теоретической реконструкции исторического прошлого нельзя абстрагироваться от действий субъектов истории, от их общего культурного уровня и способности творить собственную историю. Насыщенность факта определяется деятельностью людей, их способностью быстро изменять ход исторического процесса, совершать революционные действия и ускорять общественное развитие.

Исследование фактов в гносеологическом аспекте помогает глубже раскрыть то или иное историческое событие, определить место субъективного фактора в обществе, выяснить психологический настрой людей, их переживания, эмоциональное состояние. Этот аспект предполагает также учет всевозможных ситуаций для полного воспроизведения прошлого и требует дифференцированного подхода. Так, при изучении битвы при Ватерлоо нужно учитывать различные ситуации, связанные с ней, в том числе моральный дух войск, настроение Наполеона и т. д.

Аксиологический аспект связан с оценкой исторических фактов и событий. Из всех аспектов он, пожалуй, самый трудный и самый сложный, ибо надо объективно, независимо от собственных симпатий и антипатий оценивать исторические факты.

---

²⁷ Плутарх. Соч. М., 1983. С. 139—140.

Вебер, размышляя над аксиологическими проблемами, предлагал строго научно, без политических пристрастий оценивать социально-политические и иные явления. Он исходил из того, что «установление фактов, установление математического или логического положения вещей или внутренней структуры культурного достояния, с одной стороны, а с другой — ответ на вопросы о ценности культуры и ее отдельных образований и соответственно ответ на вопрос о том, как следует действовать в рамках культурной общности и политических союзов, — две совершенно разные проблемы»²⁸. Поэтому ученый должен строго научно и без всяких оценок излагать факты и только факты. А «там, где человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, уже нет места полному пониманию фактов».

Нельзя не согласиться с Вебером в том, что ученый, исходящий из конъюнктуры и всякий раз приспособляющийся к политической ситуации, по-своему интерпретирует исторические факты и события. Совершенно ясно, что его толкование фактов и вообще исторического процесса лишено всякой объективности и никакого отношения не имеет к научным изысканиям.

Но вместе с тем нельзя не отметить, что всякий исследователь имеет определенные мировоззренческие позиции. Он живет в обществе, окружен различными социальными слоями, классами, группами, получает соответствующее образование, в котором ценностный подход играет важнейшую роль, так как любое государство прекрасно понимает, что подрастающее поколение нужно воспитывать в определенном духе, что оно должно ценить богатства, созданные его предшественниками. Кроме того, в обществе в силу его социальной дифференцированности^{TM} имеют место разные подходы к тем или иным историческим событиям. И хотя исследователь исторических фактов должен быть объективным и беспристрастным, тем не менее он еще человек и гражданин, и ему вовсе не безразлично, что происходит в обществе, в котором он живет. Одним он сочувствует, других презирает, третьих старается не замечать. Так устроен человек, и с этим ничего не поделаешь. Поэтому он не просто изучает историческую действительность, но и волей-неволей

---

²⁸ Вебер М. Шт. соч. С. 722.

оценивает те или иные исторические факты и события. Возьмем, к примеру, Великую французскую революцию XVIII века. До сих пор одни ее оценивают позитивно, а другие негативно. Почему? Потому что у них разные мировоззренческие позиции. Те, кто сочувствует третьему сословию, крестьянам, бедным слоям французского общества, очень высоко ценят революцию. Один из ее приверженцев П. А. Кропоткин, анализируя причины революции, описал бедственное положение французских крестьян, которые нередко организовывали бунты. Но «это были голодные бунты. Урожай 1774 г. был плох, хлеба не хватало. Тогда в апреле 1775 г. начались бунты. В Дижоне народ завладел домами скупщиков-хлеботорговцев, разгромил их мебель, разломал их мельницы. Тогда-то комендант города — один из тех изящных, утонченных господ, о которых говорит с таким восхищением Тэн, — произнес в обращении к народу роковые слова, которые потом столько раз повторялись во время революций против дворян: «Трава уже выросла — ступайте, ешьте ее!»²⁹. Те же, кто выражает симпатии аристократии и власти Бурбонов, оценивает революцию крайне негативно.

На мой взгляд, есть некоторый объективный критерий, который дает возможность строго научно оценить тот или иной исторический факт: рассмотрение этого критерия связано с выяснением роли факта в истории, с его влиянием на последующее развитие общества. Если событие способствовало движению человечества по восходящей линии, демократизации социальных институтов, расширению свобод личности, то такое событие нельзя не оценить положительно. Но если оно (например, агрессивные войны) привело к гибели десятков и сотен тысяч людей, к развалу экономики, к деградации общества в целом, то всякий непредубежденный исследователь такое историческое событие оценит негативно.

Я вкратце коснулся только некоторых проблем философии истории. Их анализ показывает, насколько они важны и актуальны. Но не менее важны и другие проблемы философии истории. Поэтому давно пора преодолеть к ней негативное отношение. Пора понять, что в нашу противоречивую и непростую эпоху нужны

---

²⁹ Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793. М., 1979. С. 22.

философско-исторические исследования, освещающие вопросы, которые ставятся человечеством на пороге следующего тысячелетия.